

УДК 929

ДОСТОЕВСКИЙ И ПЕТРАШЕВЦЫ: СПОРЫ О РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИЗМЕ

ВОЛКОВА Екатерина Александровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории;

ЛИХОРАДОВА Ирина Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории;

ФРОЛОВА Елена Владимировна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории,
Воронежский государственный технический университет

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется эволюция социально-исторических и политических взглядов Ф.М. Достоевского. Актуальными в творчестве Ф.М. Достоевского являются вопросы об исторических идеалах и положении русского народа, а также роли народа в истории. Социальные условия после отмены крепостного права, нищета, своеобразие и самобытность русского народа – это основные темы для размышлений писателя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ф.М. Достоевский, петрашевцы, общественная деятельность, социально-исторические воззрения, монархизм, русский народ, народность, история России.

DOSTOEVSKY AND PETRASHEVSKY CIRCLE: THE CONTROVERSY ABOUT THE REVOLUTION AND SOCIALISM

Volkova E. A.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Sociology and History;

Lichoradova I. N.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Sociology and History;

Frolova E. V.,

Cand. Philos. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Sociology and History,
Voronezh State Technical University

ABSTRACT. The article analyzes the evolution of social, historical and political views of F.M. Dostoevsky. Questions about the historical ideals and position of the Russian people, as well as the role of the people in history are relevant in the work of F. M. Dostoevsky. Social conditions after the abolition of serfdom, poverty, uniqueness and originality of the Russian people – these are the main topics for the writer's reflection.

KEY WORDS: F.M. Dostoevsky, petrashevsky circle, public activity, social and historical views, monarchism, Russian people, nationality, history of Russia.

Общественная деятельность Ф.М. Достоевского представляет собой одну из актуальных проблем отечественной исторической науки в целом и достоевсковедения в частности. Несмотря на определенные успехи в ее изучении, она не получила достаточно полного отражения в научной литературе. Исключение составляет монография В.А. Твардовской [1], кроме того, издательская деятельность писателя нашла отражение в исследованиях В.С. Нечаевой [2].

Общественная деятельность молодого Достоевского во второй половине 1840-х гг. сводилась к участию в кружке М.В. Петрашевского, к обсуждению с участниками кружка актуальных и злободневных проблем российского общества. Как вспоминал приятель Достоевского врач С.Д. Яновский, «Федор Михайлович очень любил общество, или, лучше сказать, собрание молодежи, жаждавшей какого-нибудь умственного развития, но в особенности он любил такое общество, где чувствовал себя как бы на кафедре, с которой мог проповедовать. С этими людьми Федор Михайлович любил беседовать...» [3, с. 242–243].

К апрелю–маю 1846 г. относится знакомство Достоевского с М.В. Буташевичем-Петрашевским, сыгравшее трагическую роль в жизни молодого писателя. Среди членов кружка Петрашевского зна-

чились литераторы, общественные деятели, журналисты. В частности, А.Н. Плещеев являлся к тому времени известным поэтом. Близкий друг Петрашевского А.П. Баласогло был поэтом, книгоиздателем. Незаурядными личностями были и другие участники пятниц – Н.А. Момбелли, Н.А. Спешнев, С.Ф. Дуров, М.Е. Салтыков (будущий писатель-сатирик Салтыков-Щедрин), Ф.Г. Толь, А.Н. Майков и др. В 1846 г. кружок посещал А.А. Григорьев – один из создателей концепции почвенничества.

В России в 1840-е гг. действовало немало полуполициальных обществ, неформальных кружков, которые занимались изучением теоретического наследия европейских и русских просветителей, сами участвовали в распространении просветительских идей. Их существование порождало те условия, в которых развивалось общество: тяжелый гнет крепостничества, неограниченная власть самодержавия, социальная несправедливость, неравенство и угнетение женщин и т.п. В условиях жесткой цензуры эти острые проблемы не могли являться достоянием посредством публичного обсуждения в печати, а становились предметом дискуссий среди образованных людей на домашних собраниях и беседах. Широкое распространение в России 1840-х гг. получили, прежде всего, идеи социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье. С учением европейских социалистов представители российского общества, владевшие иностранными языками, познакомились в начале 1840-х гг. Сочинения Сен-Симона изучались в кружке Герцена и Огарева. В те же годы стали рас-

© Волкова Е.А., Лихорадова И.Н., Фролова Е.В., 2019
Информация для связи с авторами: frolov-elen@yandex.ru

пространяться произведения Фурье. Правда, Белинский и Герцен критически относились к утопическим аспектам фурьеризма. Петрашевский также познакомился с учением Фурье в начале 1840-х гг. Кроме того, он знал труды Сен-Симона и Оуэна. В библиотеке иностранной литературы Петрашевского, которой пользовались члены кружка, находились книги социалистов-утопистов. В изданном Петрашевским «Карманном словаре иностранных слов» ряд статей был написан под влиянием идей Фурье.

Идеи европейских социалистов-утопистов были популярны в российском обществе 1840-х гг. не только среди петрашевцев в силу созвучности для России выдвигавшихся ими проблем. После смерти основоположника утопического социализма Анри Сен-Симона (1760–1825 гг.) его ученики продолжили начатое учителем – создавали трудовые коммуны, кооперативные мастерские, пропагандировали идеи общественной собственности, социального равенства всех членов общества, включая женщин. Эти идеи находили отклик в образованной части российского общества. В произведениях Шарля Фурье (1772–1837 гг.) привлекала резкая критика капиталистических порядков и противоречий. Фурье выступал сторонником организации трудовых общин (фаланстеров) по всему миру, в которых, господствовал бы свободный труд, однако, сохранялись частная собственность и частный капитал. Теоретические воззрения Фурье находили приверженцев во многих странах – люди покупали участки земли во Франции и Соединенных Штатах Америки, создавали фаланстеры. Большая их часть прекратила свое существование вскоре после создания в силу неумения вести правильное хозяйство, отсутствия достаточных финансовых средств, враждебного капиталистического окружения. Но сами идеи о свободном труде оказывали сильное влияние на умы передовой европейской молодежи.

Условия жизни и труда в России тех лет значительно отличались от западноевропейских. Капиталистический способ производства только-только набирал силу, рабочий класс как сформировавшийся социальный слой практически отсутствовал. Идеи социалистов-утопистов не в полной мере подходили для российской действительности и, скорее, выглядели как фантазии, нежели реальность. Будучи сам мечтательным, романтически настроенным человеком, Достоевский изучал труды Фурье, на какое-то время мог увлечься его идеями, особенно в части рассуждений о свободном труде, равенстве и социальной справедливости. Из фурьеризма Достоевский на протяжении жизни сохранил веру в возможное счастье для всех людей.

Постоянные пятничные встречи-собрания у Петрашевского стали проходить регулярно с осени 1845 г. и с самого начала носили просветительский характер. Сам Петрашевский разделял воззрения Сен-Симона и Фурье, их мечты о преобразовании общества. В 1848 г. он подготовил проект освобождения крестьян. Основу будущего устройства России он видел в социализме, а первым социалистом считал Иисуса Христа. Петрашевский признавал возможность революции, но отдавал предпочтение реформам. Достоевскому были близки идеи Петрашевского о социальной справедливости, равенстве, христианском социализме, но вызывали его неприятие резкие негативные оценки Иисуса Христа, христианства в целом.

Вопрос об отмене крепостного права стал одним из центральных и особенно острых в российском обществе после Отечественной войны 1812 г. Император Александр I понимал необходимость его решения, но в силу определенных причин ограничивался половинчатыми мерами. В правление Николая I тема крепостного права приобрела еще более острый характер. Во второй половине 1840-х гг. она в России была запрещена для публичного обсуждения, считалась революционной, направленной против существовавшего самодержавного государственного строя.

Для Достоевского крайне непрымимым являлся вопрос о социализме. Этот термин имел весьма широкое толкование. Под социализмом понимались в то время и различные разновидности западноевропейского утопического социализма (Сен-Симон, Фурье, Оуэн), и анархистские учения (Прудон, Бакунин), и взгляды революционных демократов (Белинский, Герцен). До знакомства русской интеллигенции с марксизмом было еще далеко. Участники кружка Петрашевского не были единодушны в своих воззрениях. Так, Петрашевский, Момбелли, Спешнев, Баласогло, Толль, Ястржембский стояли на атеистических позициях, считали религию безнравственной, поскольку она воспитывала страх перед наказанием, лишала человека свободы. Достоевский, напротив, был глубоко религиозным человеком и по данному вопросу кардинально расходился с другими участниками кружка. Идеалом общественного строя петрашевцы считали республику, часть из них ратовала за свержение монархии. После революций в Западной Европе многие участники кружка поддерживали революционный путь смены общественного строя, были сторонниками вооруженного восстания. 1 апреля 1849 г. на собрании петрашевцев завязался спор Петрашевского с молодым юристом Головинским о необходимости установления диктатуры при смене государственной власти. Петрашевский выступал за агитацию в народе с учетом ошибок, допущенных декабристами.

По поводу существа этого спора Достоевский давал показания следственной комиссии. Защищая своего товарища Головинского, Достоевский отмечал: «Весь этот разговор (об освобождении крестьян. – Авт.) слышал. Слова Головинского припоминаю; он говорил с увлечением, но окончательного вывода, того, что освободить нужно бунтом, не припоминаю, утверждаю, что разошлись безо всякого решения на этот вопрос. Все окончилось большим спором» [4, л. 4]. Наиболее радикальные идеи среди петрашевцев высказывал Спешнев, выступавший за освобождение крестьян, национализацию земли и промышленности, полное социально-политическое уравнение всех сословий [5, с. 5]. Спешнев был знаком с работой К. Маркса «Нищета философии», в которой тот критиковал взгляды Прудона. Спешнев предпринял попытку организации подпольной типографии в Петербурге, в подготовке которой с разными задачами участвовали Филиппов, Достоевский, Мордвинов, Момбелли, Григорьев. Последний, кстати, весьма скептически относился к учению Фурье.

О воззрениях Фурье шла речь во время допросов Достоевского по делу петрашевцев в следственной комиссии. Отвечая на вопросы о судьбах России, о возможности использования учения Фурье на российской почве, Достоевский отмечал, что идеи и исторический опыт Западной Европы не подходят

для нашей страны. «Фурьеризм на нашей почве может только существовать или в неразрезанных листах книги, или в мягкой, незлобивой, мечтательной душе, но не иначе, как в форме идиллии... Фурьеризм вреда не может нанести серьезного. Во-первых, если бы и был вред серьезный, то самое распространение его уже есть утопия, ибо до невероятности медленно. Чтобы понять фурьеризм вполне, нужно его изучить; а это целая наука» [6, с. 133–134]. Достоевский стремился убедить следственную комиссию, что поскольку в России отсутствуют пролетарии, а фурьеризм имеет влияние только в рабочей среде, это учение для российского общества не представляет опасности. Фурьеризм был бы «умозрительно смешон. Деятельность фурьериста была бы самая ненужная, следственно, самая комическая» [6, с. 134]. В период сибирской каторги и ссылки идеи фурьеризма в мировоззрении Достоевского под влиянием обстоятельств постепенно трансформировались в социальный мистицизм, а позднее – в консерватизм и последовательный монархизм.

Насколько глубоким было участие Достоевского в революционной общественно-политической деятельности в период посещения кружка Петрашевского? Можно ли считать молодого литератора революционером? Мы склонны поддержать точку зрения И.Л. Волгина, который на данный вопрос отвечал следующим образом. «Был ли Достоевский революционером? Во всяком случае он совершал такие поступки, которые не оставляют сомнений на этот счет. Нет оснований сомневаться и в его искренности, когда в своих показаниях он неодобрительно отзывался и о перспективах «русского бунта». Он хотел бы искоренить «важные пороки» России – крепостничество, бюрократию, деспотизм. Он не может примириться с социальным неравенством. Но мы остереглись бы от утверждения, что он отвергает саму идею монархии – даже тогда, в 1849 году. Он желает совокупить русскую историческую власть с идеалами добра и правды, придать этой надчеловеческой силе иной – человеческий – облик... Не будучи правоверным фурьеристом, он поражен «изящной стороной» социалистических утопий, и эта тяга к красоте, неотделимой от истины, останется у него навсегда» [6, с. 345–346].

Данная социально-политическая и нравственная позиция Достоевского, выразившаяся в абсолютном неприятии любых форм революционного насилия, еще более укрепилась в годы сибирской каторги и ссылки. Перед глазами Достоевского прошли сотни различных типов преступников, осужденных за насильственные преступления на длительные сроки. Своих литературных героев, совершавших какие-либо насильственные деяния, писатель не только глубоко осуждает, но нередко приводит к осоз-

нанию аморальности совершенного ими (например, Раскольников из «Преступления и наказания»).

В «Дневнике писателя» за 1873 г., вспоминая этот период своей общественной деятельности, Достоевский писал: «Все эти тогдашние идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю *правду* этого грядущего «обновленного мира» и во всю *святость* будущего коммунистического общества еще Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч., проч. – все это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия» [7, с. 220].

Как и многие другие деятели культуры России, Достоевский в молодости был привержен идеям социализма, скорее как умозрительной, нежели практической теории, оперировал абстрактными социально-нравственными категориями справедливости, добра, счастья, всеобщего блага, просвещения как главного средства перемены российской общества. Он не принимал революционных методов борьбы и в этом вопросе коренным образом расходился с представителями революционной демократии. В пояснении следственной комиссии Достоевский отмечал: «Я не принадлежу ни к какой социальной системе, а изучал социализм вообще, во всех системах его, именно поэтому я (хотя мои познания далеко не окончательны) вижу ошибки каждой социальной системы. Я уверен, что применение, хотя которой-нибудь из них, поведет за собой неминуемую гибель. ...Наконец, вот вывод, на котором я остановился. Социализм – это наука в брожении, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии; хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что-нибудь стройное, благоразумное и благодетельное для общественной пользы» [7, с. 220].

В целом, социалистические идеи Ф.М. Достоевского отождествлялись с равенством и социальной справедливостью, а саму социалистическую теорию мыслитель воспринимал в качестве способа достижения в России справедливого общественного устройства, искоренения его социальных пороков, искренне уповая на реформы правительства, нежели на революционные действия народных масс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Твардовская, В.А. Достоевский в общественной жизни России [Текст] / В.А. Твардовская. – М. : Наука, 1990.
2. Нечаева, В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» : 1861–1863 [Текст] / В.С. Нечаева. – М. : Наука, 1972; Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865) [Текст] / В.С. Нечаева. – М. : Наука, 1975.
3. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1 [Текст]. – М. : Художественная литература, 1990.
4. РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 3. Д. 23.
5. Егоров, Б.Ф. Возникновение социалистической мысли в России [Текст] / Б.Ф. Егоров // Первые русские социалисты : Воспоминания участников кружка петрашевцев в Петербурге. – Л. : Лениздат, 1984.
6. Волгин И.Л. Пропавший заговор : Достоевский и политический процесс 1849 г. [Текст] / И.Л. Волгин. – М. : Либерия, 2000.
7. Архипова, А.В. Дворянская революционность в восприятии Ф.М. Достоевского [Текст] / А.В. Архипова // Литературное наследие декабристов / Отв. ред. В.Г. Базанов, В.Э. Вацуро. – Л.: Наука, 1975. – С. 219–246.